

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВЕТСКИМИ КОНСТРУКТОРАМИ ОПЫТА ЛОКАЛЬНЫХ ВОЙН 30-Х ГОДОВ XX в. ПРИ СОЗДАНИИ НОВОЙ ТАНКОВОЙ ТЕХНИКИ

В статье исследуются вопросы использования советскими конструкторами боевого опыта Красной Армии в процессе модернизации, а также создания новых типов танкового вооружения в конце 30-х годов XX века.

Ключевые слова: танк, конструкция, Красная Армия, боевой опыт.

Изучение боевого опыта локальных войн и конфликтов стало самостоятельной частью военного строительства и подготовки Вооруженных сил СССР к надвигающейся войне.

Особое место в этом процессе занимает опыт, полученный советскими военными специалистами в ходе Гражданской войны в Испании. Она послужила своеобразным испытательным полигоном: на фронтах Пиренейского полуострова Вооруженные силы Германии, Италии и СССР в боевых условиях испытывали образцы различной военной техники и методы их применения. Полученный опыт изучался всеми европейскими армиями и впоследствии использовался во Второй мировой войне. В сборе материала и анализе событий принимали участие многочисленные подразделения Разведуправления, генеральный штаб, конструкторские коллективы [1. Л. 3]. Вместе с тем необходимо отметить, что советская танковая техника, принимавшая участие в боях в Испании, была тогда еще достаточно совершенной и не уступала ни итальянским, ни немецким конструкциям [1. Л. 42]. Осознание необходимости ее модернизации пришло несколько позже.

Боевой опыт конфликтов на Дальнем Востоке и в Финляндии оказал гораздо большее влияние на отечественное танкостроение. Именно там советские образцы танкового вооружения продемонстрировали свои сильные и слабые стороны. Во-первых, во время событий на Хасане и Халхин-Голе, а также в период так называемой «Зимней войны» Красной Армией были задействованы в массовом порядке танки. Во-вторых, необходимо отметить хорошо организованную противотанковую оборону противника. Наконец, природные и климатические условия вышеуказанного театра военных действий могут быть охарактеризованы как экстремальные. При подобных обстоятельствах частично устаревшая советская танковая техника проявила себя не с лучшей стороны. Среди боевых машин счет многочисленным поломкам, повреждениям вследствие вражеского огня шел на многие сотни [2. Л. 42]. Однако явное несовершенство техники помогло советскому военному руководству, а также конструкторским коллективам выявить основные комплексы проблем советских танков.

Легкие Т-26 и БТ оказались крайне слабо бронированными. Броневые листы толщиной 14–20 мм не выдерживали под огнем противотанковых орудий, которые с конца 30-х годов XX в. стали неотъемлемой частью обороны сухопутных войск.

* © Богданов И.О., 2011

Богданов Игорь Олегович (bogdanovich1000@mail.ru), кафедра отечественной истории и историографии Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

Наиболее яркой иллюстрацией может стать атака 11-й танковой бригадой японских частей в районе Халхин-Гола. Из 170 советских машин, принимавших участие в бою, почти 80 были выведены из строя огнем противника [3. Л. 211]. Стало ясно, что необходимо увеличить толщину брони танка. Подходов к решению этой проблемы было несколько. Пробовались варианты с установкой броневых щитков-экранов в наиболее уязвимых частях конструкции. Разрабатывались методы наваривания новых броневых пластин прямо поверх корпуса. Впрочем, это не решало проблему повышения «снарядостойкости» машины, а наоборот, усугубляло другой недостаток старых легких танков. И Т-26, и танки серии БТ на пересеченной местности обладали неудовлетворительной скоростью и маневренностью [4. Л. 34]. Узкие траки гусениц и достаточно хрупкая подвеска усложняли преодоление препятствий и нередко вели к поломкам. Еще в Испании советскими специалистами было подмечено, что для этих моделей характерен сброс гусениц даже при небольшом, но резком повороте. Во время советско-финляндской войны глубокий снег часто парализовывал движение частей, оснащенных легкими танками [5. Л. 77]. Малая площадь соприкосновения с поверхностью, высокое давление массы на опорные катки приводили к тому, что машины просто проваливались, садились днищем на снег и не могли двигаться без посторонней помощи. Частично проблему пытались решить за счет установки более мощных дизельных двигателей. Однако обеспечить массовую замену на тот период времени было невозможно [6. Л. 212].

Неудовлетворительным оказалось и танковое вооружение. Легкие 37-мм и 45-мм орудия, установленные в их башнях, не обладали значительной огневой мощностью для подавления обороны противника. Так, во время войны с Финляндией Т-26 и БТ были практически бессильны против долговременных укрепленных позиций финнов. Чтобы повысить эффективность огня, приходилось вести почти снайперский огонь. Однако длительное время остановки для более точного прицеливания не прощалось противником. Возникла потребность в увеличении калибра танковых орудий. К исходу 1940 г. у советского военного руководства и конструкторов не осталось сомнений в том, что условиям современного боя отвечало лишь мощное 76-мм танковое орудие [7. Л. 14].

Одновременно средние и тяжелые танки, такие как Т-28 и Т-35, применялись достаточно эффективно. Эти многобашенные «крепости», хорошо бронированные и тяжеловооруженные, изначально создавались как танки прорыва. Хорошо зарекомендовав себя в феврале 1940 г. при прорыве линии Маннергейма, они все же перестали отвечать требованиям Красной Армии. Причина заключалась в следующем. Танки Т-28 и Т-35 были крайне сложны в производстве [8. Л. 122]. Высокие денежные и временные затраты на создание одной такой машины обусловили их малую численность в войсках. Потребность армии в них была несоизмеримо выше. Наладить их массовое производство в короткие сроки не представлялось возможным.

Таким образом, проанализировав опыт локальных войн, советские конструкторы танковой техники пришли к следующим выводам. Во-первых, стало очевидным, что старые советские танки не отвечали требованиям Красной Армии. Новые условия боя ставили задачи усиления броневой защиты, повышения подвижности и маневренности машины, замены систем вооружения боевых машин на более мощные. Это наиболее очевидная сторона вопроса. Как уже отмечалось выше, предпринимались попытки решения данных проблем на существовавших моделях танков. В то же время негативная часть опыта применения танковых соединений в боях привела и к более значимым последствиям. Изменились сама концепция, подход при создании новых образцов этого вида вооружения.

До 1939 г. разработка танковой техники для нужд Красной Армии осуществлялась в соответствии с доктриной их применения, выдвинутой в начале 30-х гг. английским теоретиком Дж. Фуллером [11, с. 153]. Каждая модель боевой техники выполняла свою, узкоспециализированную задачу. Пехотные танки, такие как Т-26, прикрывали наступающие порядки стрелковых частей. Быстроходные и слабо бронированные («крейсерские») БТ должны были, подобно кавалерии, осуществлять стремительные прорывы. Тяжелые и средние танки Т-35 и Т-28 применялись при штурме оборонительных укреплений. Однако это привело к излишнему разнообразию техники в войсках, что затрудняло обучение танкистов, снабжение и управление частями. Более того, выяснилось, что, например, пехотные танки без поддержки более тяжелых машин просто не могут выполнить ряд боевых задач. В результате росли потери, затягивались сроки операции и т. д. События советско-финляндской войны ясно показали, к какому хаосу может привести многообразие техники в войсках.

Следовательно, советское военное руководство, а также конструкторские коллективы пришли к одному из главных выводов относительно будущего танка: это должна быть универсальная машина, подходящая для любых условий боя, способная выполнить любую боевую задачу [9. Л. 6]. Такое решение влекло за собой еще одно неизбежное условие, а именно возможность массового производства новой техники. Объемы производства должны были быть несопоставимо большими прежних, поскольку требовалось перевооружить не только танковые подразделения [10. Л. 43]. Новая боевая машина должна была заменить устаревшие конструкции во всех частях и подразделениях армии. Это, в свою очередь, делало необходимым максимально упростить конструкцию новой машины. Простота означала не только возможность постоянно наращивать производство при относительно низких издержках. Она способствовала быстрому освоению техники военнослужащими. К тому же боеспособность частей могла быть увеличена за счет быстроты и легкости ремонтных работ. Относительно простой танк уже не нужно было возвращать для текущего ремонта на завод — он мог быть осуществлен в полевых условиях [9. Л. 14].

Другим немаловажным следствием освоения опыта боевых действий 30-х годов XX в. стала идея создания «русского танка». На протяжении всего предвоенного десятилетия отечественное танкостроение базировалось на освоении западных конструкций. Отталкиваясь от первоначальных разработок «Кристи» и «Виккерс», советские конструкторы непрерывно совершенствовали их, пытаясь максимально адаптировать под условия эксплуатации в Советском Союзе. Облегчала задачу и военная доктрина, изначально исходившая из гипотезы о развертывании боевых действий за пределами территории СССР, в Центральной и Западной Европе, удобной даже для легких и не слишком мощных машин. Тем не менее вооруженные конфликты с Японией, а позднее и советско-финляндская война наглядно продемонстрировали, что реальные условия применения танковых войск не всегда соответствовали теоретическим расчетам. Жаркие и засушливые степи, глубокие и труднопроходимые снега ставили существовавшую технику на грань заложенного в них ресурса. От нового танка требовалось легко преодолевать климатические и природные испытания. Для него не должны были быть проблемой весенняя распутица, бездорожье и пересеченная местность. Надежность и стойкость конструкции, возможность преодолевать значительные расстояния на одной заправке, одинаково хорошо переносить жаркие пески пустыни, морозы и осадки средней полосы — таким должен был стать новый «русский танк» [12]. Это становилось гарантом боеспособности и превосходства на поле боя танковых войск Красной Армии в любых экстремальных условиях.

Понимание данных проблем дал именно анализ боевого опыта РККА в 30-х гг. Закладывая в основу нового танка эти принципы, подкрепленные последними дости-

жениями науки и техники, советским конструкторам удалось добиться поразительных результатов. Они создали идеально сбалансированный механизм Т-34, сумев увидеть будущее поле боя лучше, чем кто-либо на Западе.

Библиографический список

1. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 31863. Оп. 2. Д. 1119.
2. РГВА. Ф. 31863. Оп. 2. Д. 1086.
3. РГВА. Ф. 31863. Оп. 2. Д. 915.
4. РГВА. Ф. 31863. Оп. 2. Д. 1007.
5. РГВА. Ф. 31863. Оп. 2. Д. 1193.
6. РГВА. Ф. 31863. Оп. 2. Д. 976.
7. РГВА. Ф.20. Оп.38. Д. 3490.
8. РГВА. Ф. 31863. Оп. 2. Д. 880.
9. РГВА. Ф. 31863. Оп. 2. Д. 1061.
10. РГВА. Ф. 31863. Оп. 2. Д. 1084.
11. Фуллер Дж. Внимание! Танки! // Фуллер Дж. Механизированные части в бою. М.: Полигон, 2005.
12. Правда. 1943. 26 марта.

*I.O. Bogdanov**

USING OF THE EXPERIENCE OF LOCAL WARS OF 30-IES OF THE XX CENTURY IN THE PROCESS OF CREATION OF A NEW TANK EQUIPMENT BY SOVIET CONSTRUCTORS

The article is dedicated to the questions of using by soviet constructors of combat experience of Red Army in the process of modernization, and also in creation of a new types of tank equipment at the end of 30-ies of the XX century.

Key words: tank, construction, Red Army, combat experience.

* *Bogdanov Igor Olegovich* (bogdanovich1000@mail.ru), the Dept. of Native History and Historiography, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.